
«Мы, собственно, ни одного серьёзного опыта национализации не провели»: дискуссии на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства

Михаил Фельдман

Целью проходившего 25 мая – 4 июня 1918 г. в Москве I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства было подведение итогов полугодичного этапа национализации. Делегаты съезда¹ должны были проанализировать результаты осуществлявшихся в декабре 1917 – мае 1918 г. в промышленности Советской России национализации и демобилизации, охарактеризовать взаимоотношения рабочих и пролетарских организаций с органами новой власти, дать оценку материального положения рабочих, рассмотреть вопрос об организации управления в промышленности и сформулировать принципы социальной политики в сфере труда.

Обсуждать на съезде возникшие в стране экономические, финансовые, производственные и управленческие проблемы могли только квалифицированные специалисты. Однако лишь у 13% делегатов этого форума было высшее образование, у остальных – начальное или среднее (примерно поровну)². В результате, за десять дней работы съезда по самым различным проблемам, *включая небольшие реплики*, выступили менее 50 человек. Но восемь из них высказывались практически по каждому вопросу: ответственные работники ВСНХ (с декабря 1917 г. по май 1918 г. последовательно сменявшие друг друга на посту председателя ВСНХ В.В. Оболенский, В.П. Милютин, А.И. Рыков; заместитель председателя Г.И. Ломов, член президиума ВСНХ Г.Д. Вейнберг) и близкие к нему ведущие профсоюзные деятели (член ВЦСПС Д.Б. Рязанов, ответственный секретарь Всероссийского союза текстильщиков С.А. Лозовский, ответственный секретарь Всероссийского союза рабочих-металлистов А.К. Гастев). Социальный портрет этих «активистов» был следующим: в основном 30–35-летние профессиональные революционеры со стажем подпольной работы не менее 15–20 лет, большинство из них имели среднее образование или были недоучившимися студентами (исключение – Милютин и Ломов, ставшие по окончании Санкт-Петербургского университета юристами, но по специальности никогда не работавшие). С первых дней советской власти практически все названные делегаты заняли ответственные посты в управленческом аппарате. Примечательный факт (достаточно типичный для элиты «пролетарской» партии) – выходцев из рабочих семей в этой группе не было.

Большинство же участников съезда, как правило, руководствуясь партийной дисциплиной³, лишь внимательно слушали докладчиков, не задумываясь о

© 2014 г. М.А. Фельдман

¹ Из 252 делегатов съезда 104 – с решающим голосом и 148 – с совещательным; сюда прибыли представители всех пяти областных СНХ (по три человека в делегации), 30 губернских СНХ, ВСНХ (по пять человек), уездных СНХ и профсоюзов или ФЗК (Труды Первого Всероссийского съезда Советов народного хозяйства. Стенографический отчёт. М., 1918. С. III, IV).

² Там же.

³ 70% делегатов, включая всех рабочих, принадлежали к партии большевиков (Там же. С. IV).

содержательной стороне их речей. Так, уже в первый день работы I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства председатель ВСНХ Рыков сделал акцент на *положительных итогах* первых месяцев экономической политики Советской республики, заявив о «твёрдом положении Советской власти», позволяющем рабочему классу России, «путём строжайшей дисциплины, использования всех научных и технических сил..., подать пример Западной Европе в новой организации труда»⁴. В качестве аргумента он привёл, по сути, только один довод, сообщив о преодолении «саботажа технического персонала» и противодействия профсоюзов, возглавляемых эсерами и меньшевиками⁵. С учётом выхода германских войск в районы Дона и Северного Кавказа, начала мятежа Чехословацкого корпуса (26 мая), быстро захвативших ряд железнодорожных центров на Урале и в Сибири, утверждение о «твёрдом положении» пролетарской власти, звучало, мягко говоря, неубедительно, впрочем, как и надежда на «первенство в европейской практике организации труда».

На фоне оптимистично охарактеризованного экономического положения страны в носящих откровенно агитационно-митинговый характер выступлениях-приветствиях В.И. Ленина (председателя СНК РСФСР), Н.И. Бухарина и М.Е. Томского (соответственно представителей ЦК РКП(б) и Всероссийского Совета профессиональных союзов)⁶ диссонансом на съезде прозвучало заявление Ломова: «Я не последую примеру тех товарищей, кто произносил по существу политические декларации». По его оценке, потеря (по условиям Брестского мира) Украины и Донбасса поставила экономику России в тяжелейшее положение, поэтому выступавшим следовало бы «спуститься с заоблачных высот на землю»⁷.

28 мая участники съезда заслушали доклад Милютин «Экономическое положение и экономическая политика». По мнению докладчика, если перед Октябрьской революцией страна находилась на грани экономической катастрофы, то ныне «положение наше не так ужасно, что объясняется лишь *правильностью взятого курса*⁸ (здесь и далее курсив мой. – М.Ф.). Посетовав на то, что вопрос о национализации в промышленности России до сих пор был крайне мало освещён⁹, Милютин вместо анализа произошедших в экономике деприватизационных процессов представил делегатам таблицу, содержащую данные по количеству национализированных и секвестрированных предприятий¹⁰, сделав ценное признание о сущности национализации: и в банковской, и в промышленной сферах её характер и рамки определялись не экономической необходимостью, а классовой борьбой; сама же национализация, по мнению Милютин, носила *карательный характер*¹¹. Далее докладчик, не затронувший вопросов об эффективности и особенностях её проведения в различных отраслях экономики и регионах страны, фактически ритуально призвал к продолжению национализации, якобы априори решающей все проблемы¹².

⁴ Там же. С. 1–2.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 3–10.

⁷ Там же. С. 41.

⁸ Там же. С. 48.

⁹ Там же. С. 52.

¹⁰ Там же. С. 53.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 54.

Прозвучавшие затем содоклад Оболенского и реплики Ломова, Лозовского и члена президиума ВСНХ М.А. Савельева можно считать показательными для характера проходивших на съезде дискуссий: выражение «категорического несогласия» с предыдущим докладчиком совмещалось с поддержкой в главном – незыблемости курса на дальнейшую национализацию. Подобное явление свидетельствовало, скорее, о неумении вникать в суть проблемы, о желании показать собственное «я» и неспособности связать конкретику с теоретическим багажом.

Например, отвергая утверждение Милютина об относительно благополучном положении дел в экономике, Оболенский говорил, что «в корне иначе видит экономическое положение страны. Способность к выживанию почти исчерпана», поскольку «абсолютный упадок материальных производительных сил достиг того предела, когда начинается умирание хозяйства»¹³. По его мнению, «более всего деградации и разложению подвергся рабочий класс», свидетельством чего стали падение производительности труда, трудовой дисциплины, а также ухудшение состава пролетариата: «кривая падения трудоспособности» оказалась «гораздо круче, чем кривая упадка питания»¹⁴. Однако выход из такой ситуации виделся Оболенскому в дальнейшем «орабочивании» государственного аппарата, в выборности половины состава пленума ВСНХ непосредственно съездом совнархозов. Можно согласиться с А.Л. Филоненко в том, что на I Всероссийском съезде СНХ происходило столкновение двух точек зрения – левых коммунистов, оставшихся на позициях большевиков с их лозунгами периода Октября, и представителей нарождавшегося управленческого аппарата¹⁵. Но бесспорно одно: столкновение этих позиций не только *не выходило за рамки ленинского варианта марксизма*, но и обнаруживало их внутреннее сходство.

Исключением из правила стало выступление Гастева, не только отметившего фискальный и полицейский характер национализации, но и давшего однозначно негативную оценку её результатам: «Мы оказались в нашей передовой, шумящей на весь мир революции..., неспособными поставить даже делопроизводство. Мы революцию превратили в пустую болтовню, богему»¹⁶. Гастев подчеркнул, что опыт трестов не изучался, а заседания ВСНХ первых месяцев 1918 г. больше напоминали пустые массовки, и сделал вывод о бессмысленности дальнейшей национализации¹⁷.

Однако резолюция съезда по этому вопросу полностью отразила взгляды большевистской верхушки, поддержанной «молчаливым большинством» делегатов. Совершенствование организации производства они связывали только с последовательной национализацией всех промышленных отраслей, которая должна была проводиться исключительно ВСНХ или Совнаркомом, подкрепляясь введением трудовой повинности и мобилизацией всех технических специалистов¹⁸. Так представители леворадикального направления марксистской

¹³ Там же. С. 57.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Филоненко А.Л. Зарождение советской системы управления промышленностью. Магнитогорск, 2000. С. 60.

¹⁶ Труды Первого Всероссийского съезда... С. 72.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 87, 90.

идеологии при реализации своих планов оказались перед необходимостью внедрения методов военного коммунизма.

Доклад Рыкова «Деятельность ВСНХ» был примечателен демонстрацией ещё одной большевистской парадигмы. Докладчик утверждал, что ВСНХ является рабочей организацией постольку, поскольку в него входят представители организаций, созданных рабочими¹⁹. Судя по обсуждению доклада, этот схоластический тезис не вызвал сомнения даже у тех делегатов, которые критически оценивали работу ВСНХ. Несостоятельность такого подхода (в косвенной форме) ещё в советский период доказал В.З. Дробижев, отметивший, что не фабзавкомы, а органы управления, созданные в центре и на местах в годы Первой мировой войны, составили основу ВСНХ и совнархозов в начале 1918 г.²⁰ Организованное рабочими управление оказалось утопией и уже в первые месяцы советской власти показало свою несостоятельность. Ещё в советское время Д.А. Баевский, написав ритуальную фразу: «В промышленных центрах профсоюзы и фабзавкомы принимали *решающее* участие в создании местных губернских и уездных совнархозов»²¹, там же указал, что, например, Заводское совещание Уральского района в октябре 1917 г. было реорганизовано и превращено в экономический отдел окружного Совета рабочих и солдатских депутатов²².

По справедливому замечанию В.А. Мау, несмотря на *формальную* связь с рабочим контролем, ВСНХ с самого начала выступал как его альтернатива. Строясь «сверху вниз», он должен был объединять экономику в централизованный организм²³. Отмечу и то, что практика участия представителей профсоюзов и фабзавкомов в правительственных учреждениях – органах Особого совещания по обороне, в организациях, ведавших распределением металла, топлива – не являлась новшеством советской власти, а была введена Временным правительством ещё в предоктябрьский период как в центре, так и на местах (заводские совещания – органы Особого совещания по обороне). Важное замечание Баевского о том, что «участие представителей профсоюзов в 1917 г. в регулирующих организациях буржуазии подготовило кадры новых организаторов социалистической промышленности из рядов рабочего класса»²⁴, следует отнести не только к положениям, счастливо избежавшим цензуры в советское время, но и открывшим перспективное направление для дальнейших исследований темы.

Доклад Рыкова подтвердил ещё одну типичную особенность выступлений на съезде: вместо необходимого анализа деятельности ВСНХ как высшего центрального органа по управлению промышленностью страны с трибуны звучало лишь *перечисление проведённых им мероприятий*²⁵. Например, только упомянуты были столь важные направления экономической политики, как демобилизация и борьба с безработицей. По самокритичному замечанию Рыкова, «к стыду ВСНХ, к стыду всех экономических органов Советской России», до сих

¹⁹ Там же. С. 91.

²⁰ Дробижев В.З. Главный штаб социалистической промышленности (очерки истории ВСНХ. 1917–1932). М., 1966. С. 74, 77–79.

²¹ Баевский Д.А. Роль совнархозов и профсоюзов в организации социалистического промышленного производства в 1917–1920 гг. // Исторические записки. Т. 64. М., 1959. С. 7.

²² Там же. С. 4.

²³ Мау В.А. Реформы и догмы. 1914–1929. М., 1993. С. 65.

²⁴ Баевский Д.А. Указ. соч. С. 4, 6.

²⁵ Труды Первого Всероссийского съезда... С. 92–99.

пор не было организовано ни учёта, ни планирования²⁶. С этими выводами согласились нарком финансов Украины С.В. Косиор, заметивший, что «доклады не отвечают действительности, а ВСНХ не имел определённой экономической политики»²⁷, и нарком торговли и промышленности РСФСР В.М. Смирнов: «У ВСНХ не было и нет плана национализации»²⁸.

Доклад народного комиссара финансов И.Э. Гуковского «О финансовой политике» и особенно содоклад члена президиума ВСНХ Г.Я. Сокольниковы скорее были похожи на весьма сумбурную лекцию о роли финансового обращения в дореволюционной России и Германии, а не в Советской республике, хотя и содержали некоторые интересные факты, например, о масштабе выпуска денежных суррогатов (купонов, местных бонов и т.д.) в первые месяцы 1918 г. на сумму от 4 до 5 млрд руб., или 10–15% от всего денежного оборота; о *предполагаемых* расходах по линии наркоматов²⁹. Судя по реплике Лозовского, эти два выступления произвели на делегатов удручающее впечатление не только своим абстрактным характером и многословием, но и тем фактом, что данные представители государственной власти разошлись в оценках расходного бюджета в два раза³⁰.

Доклад члена коллегии ВСНХ Ф.В. Ленгника «Пути к организации промышленности Российской Советской Республики»³¹ на секции «Организация производства» если и отличался от теоретизированных выступлений Гуковского и Сокольникова, то только лишь общим пересказом проектов экономического развития восточных районов, разработанных ещё в дореволюционное время³². Прожектёрский характер доклада подчёркивало пожелание Ленгника «организовать какое-нибудь управление». Абстрактность его выступления вызвала раздражение С.А. Гецова – представителя СНХ Южной области: «Докладчик... вместо того, чтобы представить доклад, наполненный цифрами, о возможных путях организации русской промышленности, прочёл нам маленькую лекцию об экономической географии, и наши прения... расплозились вследствие этой ошибки.... Наша задача – разумная национализация, основанная на учёте того, что есть и обеспечено топливом и сырьём»³³.

Гецова поддержал Гастев, заявивший: «Я нахожу, что при существующих условиях продолжение национализации является невозможным... национализация носила чисто полицейский характер. *Кроме того, мы, собственно, ни одного серьёзного опыта национализации не провели.* Не научились и создать систему финансового контроля за расходами. За государством надо оставить функции контроля в экономике, а всё дело передать тем, у кого мы должны учиться»³⁴.

Таким образом, оценки национализации как *стихийной и карательной акции* звучали на съезде неоднократно, не вызвав противодействия со стороны

²⁶ Там же. С. 100.

²⁷ Там же. С. 108.

²⁸ Там же. С. 110.

²⁹ Там же. С. 119.

³⁰ Там же. С. 143.

³¹ Там же. С. 305–313.

³² См., например: *Неклюдов Е.Г.* Топливная проблема уральской металлургии: истоки, формы проявления и варианты решения на рубеже XIX–XX вв. // Урало-Кузбасс: от замысла к реализации. Сборник статей и документов. Екатеринбург, 2010. С. 91–117.

³³ Труды Первого Всероссийского съезда... С. 327, 328.

³⁴ Там же. С. 322.

делегатов, что опровергает утвердившееся в советское время мнение о том, что «активные участники национализации не разделяли эту точку зрения»³⁵. Совсем уж «крамольными» стали слова Лозовского о том, что необходимо в ряде отраслей, например, в металлургии, создать частно-государственные тресты, с привлечением американского капитала, где государство будет иметь «определённый контрольный пакет (акций)»³⁶. В конце мая 1918 г. большевистское руководство ещё выслушивало выступления, отличавшиеся от «линии центра», но механизм проталкивания нужных резолюций – без лишних дискуссий, без реагирования на критику снизу, с умелым манипулированием «молчаливым большинством» – уже был отработан. Любопытная деталь: в материалах съезда, как правило, не фиксировался факт *процедуры голосования* по поводу принятия резолюций по докладам – в стенограмме отмечалось только то, что «собрание большинством принимает резолюцию»³⁷.

Именно так и произошло с принятой по докладу Ленгника резолюцией «Организация промышленности и ближайшие задачи», содержавшей следующие фразы общего характера: «обратить серьёзнейшее внимание на развитие производительных сил; установить строжайший учёт всех общественно важных и необходимых производственных материалов и предметов; усилить строгую дисциплину путём организации рабочих масс для производства»; единственно конкретным предложением был тезис об организации единого центра «для получения и распределения заказов между отдельными заводами»³⁸. Тем не менее при голосовании («широкие прения») руководство съезда решило не открывать резолюция, нацеливавшая промышленность России на дальнейшую национализацию отраслей и отдельных предприятий, установление государственной монополии, фактически без обсуждения получила необходимую поддержку³⁹.

От выступлений Милютин, Рыкова, Гуковского, Сокольников и Ленгника, так и не прояснивших «систему координат» ни в экономической политике, ни в сфере финансового обращения Советской республики, заметно отличался доклад инженера А. Логнина «Принципы организации производства» – не только полным отсутствием экскурсов в марксистскую теорию, но и игнорированием политических тем. Принципы организации производства Логнин, проработавший несколько лет в США, выстраивал, по сути, на основе системы Ф. Тейлора, с рыночной («коммерческой») точки зрения⁴⁰. Одновременно докладчик изложил являвшиеся обязательным элементом промышленной политики принципы построения и виды технического обучения молодёжи на передовых американских предприятиях⁴¹.

Характерно, что выступление Логнина на съезде не обсуждалось, и резолюции по нему не принимали (тезисы этого доклада вообще не вошли в стенограмму съезда). За исключением Гастева⁴², многие делегаты выразили своё негативное

³⁵ История социалистической экономики СССР в 7-ми томах. Т. 1. М., 1976. С. 123.

³⁶ Труды Первого Всероссийского съезда... С. 324.

³⁷ Там же. С. 267, 365.

³⁸ Там же. С. 253.

³⁹ Там же. С. 254–256.

⁴⁰ Там же. С. 331–339. Система организации труда и управления производством, возникающая на рубеже XIX–XX вв. и названная по имени американского инженера Ф. Тейлора, характеризовалась детальным разделением труда и регламентированной рационализацией движений работников.

⁴¹ Там же. С. 336–337.

⁴² Там же. С. 379.

отношение к системе Тейлора и заодно – к сдельной оплате труда, аргументируя тем, что возникала опасность «раскола рабочего класса» из-за неравенства их заработной платы и необходимого дополнительного принуждения к труду, а также хозяйственного развала и деградации рабочего класса в стране⁴³.

Обсуждение на секции «Организация производства» проблем, связанных с организацией управления национализированными предприятиями, экономическим положением рабочего класса и борьбой с безработицей, выявило любопытные факты подлинного отношения к рабочим со стороны некоторых лидеров РКП(б): Рыков, например, заявил, что «диктатура рабочих означает диктатуру сознательных выразителей класса в экономической и политической жизни страны. Эта диктатура выражается в *господстве органов*, созданных рабочим классом»⁴⁴. Заместитель наркома труда В.П. Ногин сказал, что в целом ряде районов России «рабочий класс зарвался» и «довёл свои требования до пределов невозможного»⁴⁵, а член президиума ВСНХ Я.Э. Рудзутак бросил такую реплику: «Я понимаю тов. С.А. Лозовского, который говорит о недостаточном обуздании (!) пролетариата, потому что он видит величайшее несчастье в том, что рабочие принимают участие в организации производства»⁴⁶. Поразительно быстрым оказалось превращение членов партии «рабочего класса» в чиновников, выразивших откровенное пренебрежение к социальным низам!

2 июня 1918 г. съезд заслушал доклады руководителей областных СНХ, самым заметным из которых стало выступление представителя уральского областного СНХ В.Н. Андронникова⁴⁷. Он отметил, что Уральский съезд национализированных и бывших казённых предприятий выработал единую систему управления промышленными предприятиями через Деловые советы – общую ячейку управления и в горнозаводских округах (ГЗО), и на предприятиях, легитимизировав то, что уже возникло в 1917 г.⁴⁸ Сложности при таком управлении, по мнению докладчика, были вызваны причинами не технического, а политического характера и возникли только в Златоустовском ГЗО, где в выборных органах преобладали правые социалисты. Выход был найден в большевистском духе: эвакуированный из Питера рабочий коллектив Сестрорецкого завода направили именно в этот округ⁴⁹.

Специфика выступления Андронникова заключалась в редкой для работы съезда попытке проанализировать конкретный материал во взаимосвязи с положением промышленных рабочих – официальной опоры власти. По словам докладчика, национализация горнозаводских округов мало что изменила в жизни рабочих: «Национализировать-то его (Богословский округ) национализировали, а денег-то на это не дали. Денежных знаков в Богословском округе совсем не

---

⁴³ Там же. С. 386–390. Потребуется 17 лет для того, чтобы главные мысли доклада Логгина дошли до тех большевистских руководителей, которые, утратив леворадикальный фанатизм, станут хозяйственниками и воплотят в жизнь Программу технического обучения 1935 г. (Новая система массовой техучёбы рабочих тяжёлой промышленности. М.; Л., 1936. С. 13–15; *Постников С.П., Фельдман М.А.* Государство и профессиональная подготовка рабочих кадров промышленности Урала в 1900–1940 гг. Екатеринбург, 2004. С. 135–143).

⁴⁴ Труды Первого Всероссийского съезда... С. 354.

⁴⁵ Там же. С. 384.

⁴⁶ Там же. С. 355.

⁴⁷ Из 81 национализированного предприятия в России с 15 ноября 1917 г. по 6 марта 1918 г. на Урал приходилось 48, а из всех 46 горнометаллургических предприятий – 42 (*Баевский Д.А.* Рабочий класс в первые годы советской власти (1917–1921 гг.). М., 1974. С. 45).

⁴⁸ Труды Первого Всероссийского съезда... С. 221.

⁴⁹ Там же. С. 222.

было, и рабочим пришлось пережить такой период..., когда деньги не выплачивали совершенно, продовольствия покупать было не на что, и в этом округе в декабре и январе, благодаря нехватке хлеба и денег, вымерла половина детей – развился голодный тиф»⁵⁰. Ещё один уральский делегат – Ф.Ф. Сыромолотов – в своём выступлении утверждал: «Мы должны сознаться, конечно, что наша финансовая система и банковский аппарат разрушены». Следствием этого, по его мнению, стал массовый отток рабочих с промышленных предприятий в деревню⁵¹. В такой ситуации все решения и усилия, направленные на проведение в жизнь тарифного договора, соблюдение строгого нормирования труда в первые месяцы 1918 г. – сюжеты весьма популярные в советской историографии – не имели почвы для реализации. Кампания стихийной ликвидации частной собственности на промышленных предприятиях осуществлялась на основе декретов о рабочем контроле и национализации банков. По обоснованному мнению С.А. Павлюченкова, выполнение этих декретов на местах привело к тому, что рабочие коллективы попытались немедленно разрешить свои материальные затруднения путём проедания финансовых счетов предприятий⁵².

Тему демобилизации промышленности Андронников только *затронул*, указав, что там, где она была подготовлена, перестройка производства на мирные рельсы прошла без осложнений. Но такая ситуация сложилась не на всех предприятиях. Более типичным для военных производств был пример Невьянского снарядного (артиллерийского) завода, где все 4 тыс. рабочих получили расчёт⁵³.

Доклад Андронникова делегаты встретили благосклонно, а ему поручили представить съезду проект «Положения об управлении национализированными предприятиями» (*номинально* это стало одним из важнейших моментов работы форума). То, что это предложили сделать представителю СНХ крупного промышленного района, *накопившего наибольший опыт национализации*, сумевшего провести свой съезд СНХ горнозаводских округов⁵⁴, апробировавшего структуру управления, в которой технические специалисты могли использовать свои знания и навыки⁵⁵, с точки зрения формальной логики, было естественно. Но большевистская элита руководствовалась идеологическими постулатами, т.е. ценностной парадигмой. Марксистское понимание экономики как единого жёсткоцентрализованного механизма делало излишним изучение уральского или какого-либо другого регионального опыта. Изложив содержание проекта, Андронников добавил: «Те товарищи, которые работали в секции по организации промышленности, невольно удивились, когда получили проект положения в окончательной форме. Дело в том, что это *не тот проект, который обсуждался в секции*, а проект, переработанный в комиссии, состоящей из представителей Совнаркома – В.И. Ленина, ВСНХ – А.И. Рыкова»⁵⁶. Если первоначальный проект предполагал *избрание* в правления национализированных предприятий 2/3 из рабочих конкретного завода или фабрики, то продиктованный Лениным – был принципиально иным: 2/3 членов правления *назначались сверху* ВСНХ либо областным СНХ, если предприятие непосредственно

⁵⁰ Там же. С. 220.

⁵¹ Там же. С. 326.

⁵² Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России. М., 1996. С. 57.

⁵³ Труды Первого Всероссийского съезда... С. 222.

⁵⁴ Абрамовский А.П., Буданов А.В. Горные округа Южного Урала в 1917–1918 гг. Челябинск, 2008. С. 144–146.

⁵⁵ Там же. С. 155–165.

⁵⁶ Труды Первого Всероссийского съезда... С. 259.

подчинялось областному Совету⁵⁷. Обоснованное недовольство этим по ходу работы съезда неоднократно звучало в репликах Андронникова.

По мнению Филоненко, в этом вопросе столкнулись два подхода – демократический и недемократический⁵⁸. Однако «демократизм» варианта уральцев вызывает большие сомнения. Закрепление за, как правило, малограмотными и некомпетентными рабочими нормы в 2/3 членов Деловых советов *не могло не обострять отношений рабочих с техническими и административными руководителями* из числа инженеров и техников на предприятиях. Остроту проблемы передаёт высказывание Андронникова при обсуждении проекта «Положения»: «Инженеров мы уважаем, но давать им доминирующее положение в распоряжении производительными силами мы не можем, и рабочие (Урала. – М.Ф.) обеспечили себе преобладание двух третей в управлении»⁵⁹.

Наряду с этим заложенные в регламент «Положения» перевыборы состава правления каждые шесть месяцев⁶⁰ не оставляли места для стабильной работы, но главное, в докладе Андронникова не прозвучал ответ на вопрос: способны ли рабочие к самостоятельному решению сложных экономических, производственных и финансовых проблем? Между тем такой ответ – и в достаточно негативной форме – был дан на I съезде национализированных и бывших казённых предприятий Урала в январе 1918 г.⁶¹ Кроме того, даже потенциально позитивный опыт работы Деловых советов во многом блокировался позицией большевистской партии: к маю 1918 г. классовые и политические лозунги уральских лидеров стали брать верх над сколько-нибудь трезвым экономическим расчётом. Так, в резолюции «Выборное коллегиальное управление и рабочий контроль», принятой II областным съездом по управлению национализированными предприятиями Урала (май 1918 г.), подверглось критике положение об участии инженерно-технического состава в работе Деловых советов как противоречащее «классовой линии»⁶². Таким образом, «демократическая» конструкция Деловых советов в реальности выглядела хрупкой, неустойчивой, далеко не демократичной. Фактически это был вариант весьма «плохого классового мира». Но хорошо известны преимущества плохого мира над хорошей войной, тем более, гражданской.

Однако даже упоминание о ведущей роли рабочих в правлениях национализированных предприятий вызвало раздражение большевистских лидеров. Показательной можно считать реплику профсоюзного активиста Д.Б. Рязанова: «Я считаю необходимым, чтобы все местные совдепы и *совдепики* были лишены права видоизменять инструкции, полученные из центра»⁶³. Это высказывание можно было бы считать естественным в условиях централизованного государства, если бы не слово «совдепики», которое особенно подчёркивало пренебрежительное отношение центра к правам местных органов управления. Ещё «яснее» выразился Рыков: в том, что касается производства, ВСНХ должен напрямую управлять предприятиями как единый центр. Предложение уральцев

⁵⁷ Там же. С. 260.

⁵⁸ Филоненко А.Л. Указ. соч. С. 62.

⁵⁹ Труды Первого Всероссийского съезда... С. 348.

⁶⁰ Там же. С. 257.

⁶¹ Государственный архив Свердловской области, ф. 1-р, оп. 1, д. 1-а, л. 125 об., 126, 127, 130.

⁶² Абрамовский А.П., Буданов А.В. Указ. соч. С. 164.

⁶³ Труды Первого Всероссийского съезда... С. 262.

о расширении прав СНХ на местах было охарактеризовано им как увлечение «чисто личными (местническими) интересами»⁶⁴.

Итак, вместо аналитического обобщения результатов национализации в промышленности Советской России, I Всероссийский съезд Советов народного хозяйства, продемонстрировав поразительную скудность экономических познаний делегатов и большевистского руководства ВСНХ, взял курс на *дальнейшую национализацию*, руководствуясь чисто идеологическими мотивами. В этой связи абсолютно необоснованным является общепринятое в советское время мнение: «Анализ Декрета (от 26 июня 1918 г. о национализации крупной промышленности. – М.Ф.) показывает, что он был глубоко продуман и подготовлен с большим знанием состояния различных отраслей промышленности страны»⁶⁵.

Отвергнув (хотя и не без колебаний⁶⁶) возможность конструктивного диалога с руководителями капиталистических трестов по проблемам конверсии, не пожелав использовать действующие структуры и опыт управления сотрудников Особого Совещания и его представительств на местах и передав сложнейшее дело перевода военного производства на гражданские рельсы в руки фабзавкомов, большевистское руководство фактически пустило на самотёк демобилизацию промышленных предприятий. Её стихийный характер и разрушительные результаты были очевидны для современников, подталкивая одних к критике непродуманных леворадикальных действий, других – к ускоренной национализации как панацее решения всех социально-экономических проблем.

Перевод сотрудников Особого Совещания в состав ВСНХ, а его представительств на местах – в областные и губернские СНХ, означал подчинение специалистов неспециалистам. В такой ситуации попытка советского правительства уйти с орбиты мобилизационной экономики не имела никаких шансов на успех. В сочетании с курсом на ширококомасштабную национализацию и отказом от рыночных отношений это означало применение единственно возможного опыта управления – командно-административного, которое в условиях леворадикального режима неизбежно осуществлялось экстремальными по форме и содержанию методами. Ритуальные слова о «пролетарском характере власти» не скрывали главного: рабочим отводилось место послушных социальных низов, полностью зависящих от государства.

Исходя из слабости и весьма малой степени организованности российской буржуазии, разрозненности и импульсивности её действий⁶⁷, вывода части капиталов за рубеж, национализация промышленных предприятий в этот период не стала прямой причиной Гражданской войны в России. Однако, усиливая экономический хаос и разруху в стране, национализация подталкивала одну часть населения к готовности поддержать любую власть, гарантирующую «твёрдый порядок и спокойствие», другая же его часть, представленная, прежде всего, маргинальными слоями общества, рассматривала национализацию как составляющую экспроприации собственности «нетрудовых элементов». Отсутствие юридических принципов отчуждения и безбрежность границ указанного социума не только привели к гражданскому противостоянию в стране, но и стали константой истории советского общества.

⁶⁴ Там же. С. 353–354.

⁶⁵ История социалистической экономики СССР... Т. 1. С. 131.

⁶⁶ Филоненко А.Л. Указ. соч. С. 23–28.

⁶⁷ О пассивности действий Всероссийского общества фабрикантов и заводчиков осенью 1917 – в первые месяцы 1918 г. см.: Там же. С. 13–15.